

Алла Г. ШЕШКЕН

„РУССКАЯ ТЕМА“ В РОМАНЕ ЧЕДО ВУКОВИЧА
„ПОСЛАНИЯ“

„Русская тема“ занимает значительное место в историческом романе Ч. Вуковича „Послания“ (1963), посвященном выдающемуся государственному деятелю Черногории владыке Петру I Петровичу Негошу, который, по словам Мармье, „стал для этой маленькой горной страны тем, кем был другой Петр I для пространной русской империи“.¹⁾ Негош в своей внешней политике ориентировался на Россию,²⁾ поэтому в сюжете романа эпизоды, где действуют или упомянуты русские, играют существенную роль.

За время правления владыки Петра I Петровича (1782—1830) на русском престоле сменилось четыре императора. В первой главе романа молодой Негош продумывает свою речь на аудиенции у Екатерины II, Павел I награждает его орденом, при Александре I одержаны совместные победы черногорцев и русских над Наполеоном, а когда владыка на смертном одре завещал своему преемнику, славному Петру II Негошу „молиться богу и держаться России“,³⁾ далеко на севере уже правил Николай I. В произведении упомянуты князь Потемкин, дипломаты Родофиникин, Мордвинов, Строганов. Среди действующих лиц романа — консулы А. Мазуревский, С. Санковский, Е. Гагич, вице-адмирал Д. Сенявин, авантюристы С. Вучетич и М. Ивелич, состоявшие на русской службе. В Россию послал Петр I на учебу

¹⁾ Вуковић Чедо. Поруче (Петар I Петровић и земља којом је ходио). Београд, Космос, 1963. С. 338. Далее в тексте цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках. Перевод мой — А. Ш.

²⁾ См. например: Лекић Душан. Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784—1830). Цетиње, 1950; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979 и др.

³⁾ Вуковић Чедо. Судилиште. Цетиње, 1971. С. 239.

Джордже Савова, своего племянника, сам владыка не расстался с русской книгой.

Создавая реалистический исторический роман, Ч. Вукович придавал большое значение исторической достоверности воплощенным внем событиям.⁴⁾ Описывая сложную эпоху формирования черногорского государства, он стремился раскрыть яркую личность Петра I, понять его и как человека и как государственного деятеля. В одной из своих статей писатель заметил, что Петр I Негош, как и его преемник Петр II Негош, в своей политике „опирался на Россию, от нее получал материальную и моральную поддержку“, но постоянно „должен был защищаться от клеветы“ которая стремилась „подорвать к нему доверие русского двора. Впрочем, это были частные и несущественные эпизоды“.⁵⁾

Эти „частные и несущественные эпизоды“ в романе весьма функциональны. Они драматизируют действие и придают ему динамизм, помогают полнее раскрыть характер главного героя.

Роман начинается с того, как оклеветанный Негош изгоняется из России, куда он приехал представиться Екатерине II с надеждой активизировать ее помощь Черногории в борьбе против турок. Недруги объявляют его самозванцем. За время его отсутствия Скадарский паша напал на Черногорию и разорил монастырь на Цетинье. Потребовались нечеловеческие усилия, чтобы сплотить враждующие братства и племена и в 1796. г. успешно противостоять завоевателям в битвах при Мартиничах и при Крусах. Победа при Крусах принесла фактическую независимость Черногории, ею восхищалась вся Европа, русский император Павел I наградил владыку высшей наградой России — орденом Александра Невского — и выделил средства для создания государственных органов, „кулука“. В начале царствования Александра I черногорско-русские отношения переживают кризис, Петр I Негош пытается наладить отношения с наполеоновской Францией. Это тут же используют его недруги в России, и следуют вызов на суд в Святейший Синод, угроза отлучения от церкви. Только сплоченность черногорцев вокруг своего правителя помогла Негошу выстоять. Уже в 1805—1806 гг. черногорцы при поддержке русской эскадры „били французов по всему восточному берегу Адриатического моря“.⁶⁾ Крупные европейские события: Тильзитский мир, поход Наполеона на Россию, разгром

⁴⁾ Критика единодушна в признании исторической достоверности событий, описываемых в романе. См. например: Бошковић Радојица. Од схематизма до неукротиве спонтаности (Један поглед на романе Чедо Вуковића). — Стварање, 1977. № 2. С. 291—320; Лалић Милосав. Чедо Вуковић. Уз 50-годишњицу књижевног рада. — Стварање, 1986. № 7. С. 949—966; Антић Гојко. Доба прногорског романа. — Стварање, 1985. № 11. С. 1309—1334.

⁵⁾ Вуковић Чедо. Два пера. Два Петра Петровића. — Стварање, 1963. № 9—10. С. 175.

⁶⁾ Ковалевский Е. П. Черногорія и славянскія земли. СПб., 1872. С. 15.

его армии, Парижский трактат — всякий раз меняли внешнюю политику России и влияли на ее отношения с Черногорией. И каждый раз Петр I Негош должен был действовать так, чтобы обеспечить возможность всем черногорским племенам объединиться и создать единое государство со своими законами, правительством, границей, а это и было его главной целью.

Развитие сюжета романа Ч. Вуковича в основном определяется исторической последовательностью событий. Эпизодов, которые могли бы быть отнесены исключительно к художественному вымыслу автора, в произведении немного. В связи с этим встает вопрос о его документальной основе. Это прежде всего тексты посланий Петра I Петровича, которые он в течение почти полувека направлял в племена и братства Черногории с целью примирить враждующих, помочь безвинно пострадавшим, настаивать, поддерживать. В романе эти послания широко используются: некоторые приводятся полностью, некоторые пересказываются близко к тексту. Цитируются также отрывки из „Завещания“ владыки. В целом эти послания (по-сербски „поруче“) в произведении служат раскрытию основной линии его внутренней политики, стремления Негоша к консолидации всех сил и превращению Черногории в современное независимое государство.

Не менее важны исторические документы и исторические исследования, которые, без сомнения, учитывал Ч. Вукович в работе над романом. С достаточной уверенностью можно предположить, что одним из таких источников была монография черногорского историка Душана Лекича „Внешняя политика Петра I Петровича Негоша (1784—1830)“, изданная в 1950 году.⁷⁾ Писатель во многом разделяет концепцию этого исследования, он так же внимательно описывает обстоятельства, которые приводили к осложнению отношений между владыкой и русским двором; много совпадений при объяснении и мотивировке поступков тех или иных исторических личностей. Ч. Вукович согласен с историком в том, что интриги противников Петра I сыграли свою роль в осложнении черногорско-русских отношений в 1802—1804 годах, что посредниками между владыкой и Россией часто выступали авантюристы, поэтому черногорцы так ждали прибытия „настоящего русского“. Архимандрит Стефан Вучетич, например, указал на посланца Петра I Саву Пламенца и того допросили с пристрастием в надежде получить сведения, компрометирующие владыку. Вуколай Радонич через Луку Локича за спиной митрополита вступил в контакт с русским двором, за что был осужден Скупштиной Черногории. Одинаково и в исследовании и в романе оценивается роль русского посла в Константинополе графа Строганова, не предпринявшего энергичных мер, чтобы помочь кораблю с черногорскими переселенцами в южнорусские земли проплыть через Босфор. И таких примеров много.

⁷⁾ Лекич Душан. Указ соч.

Естественно, что в историческом исследовании и в художественном произведении это воплощено по-разному. Описывая появление в Черногории авантюристов вроде Дмитрия Вуича, Вукасовича, или честолюбцев вроде Ивелича и Вучетича, Чедо Вукович показывает, как велика разница между патриотизмом подлинным и мнимым. Эти второстепенные персонажи помогают глубже понять и оценить величие души и чистоту помыслов владыки Петра I. Его сила и влияние были прежде всего в том, что он всего себя отдал своему народу, поэтому его слово так много значило, поэтому народ его еще при жизни называл „святым“.

В упорной борьбе против турок черногорцы покрыли себя славой. В России XIX века о них писали как о „гордости славян“, „спартанцах“, охраняющих свое „горное соколиное гнездо“. Но все же мало кто представлял, как тяжела была эта ежедневная, ежечасная борьба за свободу, за выживание, борьба не только против турок и французов, но и с голодом, болезнями, эпидемиями. „Если кто едет сюда за славой, он должен забыть о себе“ (с. 64). Не случайно людей, которых влекли в Черногорию честолюбивые помыслы, не было и близко, когда Махмуд-паша Бушати дважды наступал на Черногорию.

Марко Ивелич, постоянно интриговавший против Негоша, приехал поднимать народ на восстание, но „делал это без особого воодушевления, все как-то при помощи денег или посредников“ (с. 57). Владыка видел, что у него не лежит сердце „ни к России, ни к борьбе с турками, ни свободе черногорской; он хотел бы обогатиться и, если повезет, стать не больше не меньше, чем правителем черногорским“ (с. 67). Проницательный Негош и тут не ошибся. В 1803 году он вместе со Стефаном Вучетичем надеялся осуществить свои планы, заручившись поддержкой русского и австрийского монархов, которым стало известно о попытках Негоша наладить отношения с Францией. Ивелич и Вучетич искали доказательств предательства владыки. Целая глава в романе посвящена известной Скупштине 1804 года, когда черногорский народ отверг обвинения против своего владыки и заявил: „Мы не признаем ничей суд кроме нашего“ (с. 203), „хватит нам разных отщепенцев и самозванцев... Черногория не подвластна никому. Мы только под покровительством русского императора и то больше морально“ (с. 205). Подобные эпизоды показывают, как росло доверие народа к Негошу, крепло единство черногорцев вокруг владыки.

Один из самых удавшихся и художественно функциональных образов романа — образ аббата Дольчи, многолетнего бессменного секретаря Петра I, тоже связан с „русской темой“. Сподвижник владыки был принесен в жертву стабилизации черногорско-русских отношений после их охлаждения в 1802—1804 годах, обвинен в тайной деятельности в пользу Франции и по

требованию русского дипломата А. И. Мазуревского подвергнут обыску, допросу и предан суду. Вынесенный приговор о смертной казни стараниями владыки был отложен, но спустя некоторое время Дольчи погиб при неизвестных обстоятельствах. Неожиданная опала и таинственная смерть аббата породили немало версий, пытающихся пролить свет на эту историю и ее трагический финал.

Советский историк Н. И. Хитрова считает, что Дольчи действительно был профранцузской ориентации. Ему удалось склонить на некоторое время Петра I, чтобы при помощи Франции попытаться реализовать свою внешнеполитическую программу. Не анализируя подробно обстоятельств этого дела, Н. И. Хитрова указывает, что в Австрии был арестован французский агент, направленный к Дольчи.⁸⁾

В исследовании Д. Лекича эти события названы „политической трагедией и основным виновником трагического конца Дольчи назван Мазуревский, которому „было ясно, что самого владыку невозможно вывести на суд, поэтому жертвой он избрал Дольчи. И хотя владыка Петр энергично противился требованиям Мазуревского изгнать Дольчи из Черногории, он должен был дать согласие на обыск у него“.⁹⁾ Черногорский историк считает А. Мазуревского основным виновником в этой интриге, из-за чего сложно установить истинное развитие событий. Д. Лекич подчеркивает, что трудное всего объяснить позицию самого Петра I, понять, что все-таки заставило его пожертвовать своим ближайшим помощником. Историк считает, что владыка был вынужден прежде всего руководствоваться политическими причинами, поставить выше своих человеческих чувств политические интересы Черногории, стремление сохранить ее с таким трудом создаваемое внутреннее единство.

Е. П. Ковалевский, посетивший Черногорию в 1841 году, в путевых записках „Черногория и славянские земли“ писал, что Дольчи считался одним из ученейших людей своего времени, „одаренным душою сильной, но переполненной кипящими страстями“.¹⁰⁾ Старый монах, очевидец трагедии, на вопрос, виновен ли Дольчи, „устремил глаза вверх и, как бы вызывая небесное правосудие, тихо произнес: „Видит Бог!“ — „Но зачем его мучили?“ — „Говорят, так требовала политика. Он был изменником Черногории, „— прибавил он с усилием и желая придать речи своей грозный голос“.¹¹⁾ По свидетельству этого монаха, „любившего Дольчи“, личный секретарь владыки истлел в заточении, а сам митрополит „не остыл к нему“ и посещал узника из года в год.

⁸⁾ Хитрова Н. И. Указ. соч. С. 69—70.

⁹⁾ Лекич Душан. Указ. соч. С. 171.

¹⁰⁾ Ковалевский Е. П. Указ. соч. С. 102.

¹¹⁾ Там же. С. 102—103.

Ч. Вукович в трактовке и этого исторического эпизода ближе всего Д. Лекичу. В его романе русский Мазуревский — и сценарист и режисер осуждения Дольчи, что, например, доказывает разговор Мазуревского с Ивеличем, когда консул прямо говорит: „Возьмем на прицел Дольчи...“ (с. 211). Изображения обыск у аббата, писатель упоминает обнаруженный французский паспорт — факт, описанный Д. Лекичем. Ч. Вукович, как и историк Д. Лекич, подчеркивает неубедительность предъявленных секретарю владыки обвинений. Писатель считает Дольчи жертвой зигзагов политики и все внимание сосредотачивает на душевном состоянии Петра I, теряющего своего многолетнего друга и помощника. Драматическая коллизия начала XIX века обретает современное звучание, а „политическая трагедия“ — черты не такого уж далекого прошлого.

Негошу ясна вся политическая подоплека обвинений против Дольчи: это удар против него самого. Это плата за отказ признать клеветнические обвинения в измене союзническому долгу, за отказ предстать перед судом русского Синода. Царь признал правоту черногорцев, защитивших своего владыку от происков состоявших на русской службе Марко Ивелича и Стефана Вучетича, добивавшихся смещения Петра I и мечтавших захватить власть над Черногорией. Но „если сам владыка не предатель, тогда кто-то из его ближайшего окружения“ (с. 215). Дольчи — самая подходящая фигура: он не черногорец, к тому же католический священник, за него не вступится ни одно братство, ни племя. Единственным человеком, кто мог бы защитить Дольчи, был сам митрополит Негош.

При воплощении классического конфликта между долгом и чувством Ч. Вукович умело расставленными акцентами достигает драматического эффекта. Владыка понимает, что Дольчи — его преданный друг, который бы „и отца родного обманул, лишь бы избавить его от беды. А я, что делать мне? Не могу, сто раз не могу!“ (с. 225). На одних весах долг перед другом и политические соображения. К тому же Дольчи понял, к чему клонится дело, но не убежал, а вступил на „самый тяжелый путь и для себя и для Петра I“ (с. 232) и поставил митрополита перед необходимостью выбора, возложив на него всю ответственность за свою судьбу. Петр I, испытывая тяжелые нравственные муки, начинает сомневаться в друге, еще не осознавая, что именно эти его сомнения решают его судьбу.

Еще недавно Дольчи — „образованный человек, умный и основательный помощник во многих делах“ (с. 212). И вот червь сомнения зашевелился в душе владыки: „Абсолютно ли ты уверен в невинности Дольчи?“ (с. 213), затем начинает теряться прежняя уверенность и он уже „как бы не до конца уверен в Дольчи“ (с. 216), а после того, как аббат был арестован и допрошен

с пристрастием, Негош приходит к другу со словами: „Я начал сомневаться в тебе . . . А сомнение — страшная борьба . . .“ (с. 231).

Горький современный опыт привел писателя к пониманию психологического парадокса: обвиняемый в политических ошибках — виноват, обвиненный остается в одиночестве, разделенный даже с самыми близкими и надежными друзьями. Начатое „дело“ лишает человека права на уважение окружающих, на собственное достоинство. „Как чума возникло это слово, я стал „делом“ . . . я уже больше не прежний старый Дольчи . . . „Дело“ . . . это все вокруг меня: люди, воздух, земля. Это не слово. За ним стоят сомнение, угроза, осуждение, стоят мучение и презрение“ (с. 234).

Петр I понимает, что события уже необратимы, что на самом деле все решилось тогда, когда он уступил и, разрешив обыскать Дольчи, устранился. Теперь же осталась лишь надежда спасти друга, но и это ему не удастся.

В романе „Послания“, таким образом, затронута тема, которая в новейшей литературе заняла значительное место, особенно в так называемом „романе-истине“.

Эпизод с Дольчи важен в романе и тем, что он подчеркивает драматизм времени и судьбы черногорского владыки, после смерти друга оставшегося в одиночестве. Вместе с тем он лишает главного героя идеализации. Автор как бы понял, но не оправдал Петра I, оставив ему угрызения совести. При всей героизации характера — владыка выше всех персонажей романа и как политик, и как воин, и как просветитель — этот эпизод как бы „принижает“, делает его образ более жизненным, реалистичным.

В романе Ч. Вуковича показано, что владыка Петр I Петрович всегда питал к России глубокую и искреннюю любовь, хотя в отношениях между двумя правительствами было немало весьма острых ситуаций. Приведенные в начале статьи слова писателя об этих ситуациях как о „частных и несущественных эпизодах“ совпадают в целом с их оценкой главным героем произведения. При этом Ч. Вукович использует прием художественной ассоциации.

Негош в разговоре с Вуколаем Радоничем (сторонником австрийской ориентации), объясняя ему смысл союза с братьями по крови, называет конфликты с русскими „домашним спором“ (с. 376). Думается, что не будет натяжкой видеть здесь ассоциативную связь с известным стихотворением А. С. Пушкина „Клеветникам России“, где „спор славян между собою“ тоже назван „домашним спором“. Это предположение можно обосновать следующими фактами. А. С. Пушкин чаще других литераторов упоминается Ч. Вуковичем в выступлениях в печати,¹²⁾ название статьи о переводах Негоша на иностранные языки перефразирует

¹²⁾ Вукович Чедо. Ответы на анкету журнала „Иностранная литература“. Москва, 1977. № 4. С. 198.

строку из „Памятника“ Пушкина и называется „О памятнике нерукотворном“.¹³⁾ В другом историческом романе Ч. Вуковича „Судилице“ (1971) великий черногорский поэт Негош слушает романс на стихи Пушкина „Я помню чудное мгновенье...“ К тому же черногорцы „не признали наглой воли“ Наполеона и вдохновили русского поэта на известное стихотворение „Бонапарт и черногорцы“.

Владыка Черногории видит в русских „единоверных и единокровных братьев“, считает, что у „всех славян нет иной надежды, иной славы кроме сильных братьев русских, и если пропадут русские — пропадут и все остальные славяне, а кто против русских — тот против всех славян!“ (с. 318). Этот ответ французскому маршалу Мармону выдержан в эмоциональном патетическом тоне. В другой ситуации развивается эта же мысль, но уже спокойнее, основательнее. Негош, даже получая определенную помощь из Вены, упрямо держался России, „потому что не смотрят, кто далеко, а кто близко...“, а смотрят, кто родственной крови и кто не отнял бы у нас свободу и наше имя не стер бы с этого камня... Славяне это... Им можно все — они сильные, никто им до корня достать не может. А мы должны держаться рядом с ними, с их именем, и чем нас меньше, тем мы должны быть большие славяне“ (с. 376). Эти высказывания свидетельствуют, что у Ч. Вуковича Петр I Петрович предстает сторонником идеи славянского единства, которая имела сочувствующих и в России. Сам Негош — это известный исторический факт — вынашивал мысль о создании славяно-сербского государства, объединении черногорцев с соседними югославянскими народами с целью освобождения от турок. В романе немало эпизодов, где владыка горюет о „злой судьбе“ югославян: „Никак мы не объединимся, чтобы вместе сломать турецкое ярмо“ (с. 284). Ему бы хотелось больше помочь Карагеоргию, присоединить к Черногории Боку Которскую, выйти к морю.

Идея объединения с целью освобождения от турок имела в славянском мире глубокие корни, и в романе это нашло отражение. Она была частью внешней политики Петра Великого, когда черногорцы и русские „вместе воевали против османов“ (с. 9). К ней взывал и авантюрист Дмитрий Вуич, пытавшийся „представить царице Екатерине свой план и просить у нее помощи для освобождения балканских народов“ (с. 139). Сочувственно относился к планам владыки и вице-адмирал Сенявин.

Взаимные симпатии двух славянских народов особенно ярко проявляются во время совместных боев против наполеоновских войск в 1805—1807 годах. Ч. Вукович описывает радостное возбуждение Петра I, в массовых сценах — искренние симпатии русских солдат и черногорцев. Он раскрывает исконную бли-

¹³⁾ Вуковић Чедо. За споменик „нерукотворни“. — Стварање, 1972, № 3, с. 271—277.

зость славян — это и похожие язык, имена и обычаи. Черногорцы и русские героически сражаются, одерживая славные победы над непобедимым Наполеоном. Вместе они сильны. Многочисленные эпизоды совместных действий, в том числе и проти турок во время похода на Герцеговину воплощают важную идею о единстве и полном взаимопонимании двух народов. Народы и политика — не одно и то же. Повороты политики, договоры между монархами не раз сводят на нет военные успехи на Адриатике. Бока Которская, омытая кровью черногорцев и русских, все же в конечном итоге уступает австрийцам. „Если бы я и во всех сражениях победил, то они были бы проиграны далеко за столами переговоров“ (с. 310), — думает владыка черногорский. Характеризуя этого государственного деятеля прошлого, Ч. Вукович высказывает современные мысли о неравноправном положении „больших“ и „малых“ держав, протестуя против пренебрежения интересами „малых“ в большой политической игре.

В романе неоднократно подчеркивается, что внутренняя драма Петра I усугубляется тем, что этот человек, просветитель по своей натуре и устремлениям, вынужден быть прежде всего воином и политиком. Самым заветным его желанием было открыть школу, дать доступ к знаниям и науке молодым черногорцам., но „все, что есть на его родине ценного, уничтожается войнами, все отдано за порох и оружие“ (с. 9). Полученные из России и такие необходимые пушки заставляют его задуматься над тем, „сколько же человеческого ума и искусства затрачено“ (с. 134), чтобы убивать.

Такие эпизоды, а их в книге немало, характеризуют Петра I Негоша как гуманиста, а Ч. Вуковича как писателя ангажированного, с ярко выраженной гражданской позицией и гуманистической направленностью творчества.

